

Л. П. Маринович

НАЕМНИКИ В ПЕРИОД ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

ИСТОРИЯ такого сложного явления, как греческое наемничество, распадается на несколько достаточно ясно выделяемых периодов. Первые наемники-греки известны на службе у восточных правителей — в Египте и Малой Азии; самые ранние упоминания о них восходят к началу I тыс. до н. э. В собственно Греции наемники появляются гораздо позже, в VII в. до н. э. и только на службе у тиранов и исчезают в VI в. вместе с падением так называемой «старшей тирании»¹. Вслед за тем наступает период, охватывающий большую часть V в. до н. э., когда мы ничего не знаем об участии наемников в событиях, развертывающихся в Греции. Это не может быть объяснено, как справедливо заметил Парк², характером наших источников. К тому же наемники-греки продолжают служить на Востоке. Видимо, отсутствие их в Греции объясняется тем, что экономические, социальные и политические условия времени расцвета полиса были таковы, что в городах-государствах не возникало потребности в наемниках.

Новый этап в развитии наемничества начинается с Пелопоннесской войны, когда на территории Греции вновь появляются наемники. Во время этой войны греческие государства в первый раз обращаются к найму военной силы. Нельзя не оценить этого симптома — впервые в истории полис вынужден в дополнение к ополчению использовать наемные отряды, не имеющие никакой органической связи с гражданским коллективом города. Этот период явился как бы прологом к широкому развитию наемничества в IV в. до н. э. Тесная связь периода Пелопоннесской вой-

¹ B. Müller, Beiträge zur Geschichte des griechischen Söldnerwesens bis auf die Schlacht von Chäronea, Frankfurt am Main, 1908, стр. 7 сл.; H. W. Parke, Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus, Oxf., 1933, стр. 3—13; G. T. Griffith, The Mercenaries of the Hellenistic World, Camb., 1935, стр. 236—238; H.-J. Diesner, Das Söldnerproblem im alten Griechenland, «Das Altertum», т. 3, 1957, № 5, стр. 213—216; A. Aymard, Mercenariat et l'histoire Grecque, «Études d'archéologie classique», т. II, P., 1959, стр. 18—21; D. Mallet, Les premiers établissements des Grecs en Égypte (VIIe et VIe siècles), «Mémoires publiés par les membres de la Mission archéologique française au Caire», т. 12, fasc. 1, P., 1893, стр. 35 сл.; он же, Les rapports des Grecs avec l'Égypte (de la conquête de Cambyse, 525, à celle d'Alexandre, 331), «Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale au Caire», т. 48, Le Caire, 1922, стр. 5 сл.; В. Г. Борохович, Египет и греки в VI—V веках до н. э., «Уч. зап. Горьков. гос. ун-та», сер. истор. наук, вып. 67, 1965, стр. 74 сл.

² Parke, ук. соч., стр. 14.

ны и IV в. до н. э. в истории наемничества в общем не вызывала сомнений ни у авторов немногих работ, которые специально посвящены греческому наемничеству³, ни у специалистов по истории военного дела греков⁴; таково же понимание этого вопроса и в многочисленных трудах общего характера⁵.

Не перечисляя здесь всех упоминаний о наемниках, которые можно найти в источниках⁶, мы остановимся только на тех из них, которые, кроме простого упоминания, содержат еще ту или иную информацию, позволяющую понять наиболее существенные черты в наемничестве этого периода⁷. Имеющиеся в нашем распоряжении источники — главным образом труды Фукидида, Ксенофонта и Диодора — дают возможность с той или иной степенью подробности ответить на следующие важные для понимания сущности и дальнейших путей развития наемничества вопросы: какие государства и в каких масштабах нанимали воинские контингенты; каков был характер этих контингентов, в какого рода дополнительных силах испытывали полисы потребность; какие области Греции были источником для формирования наемнических отрядов.

Исследуя участие наемников в Пелопоннесской войне, мы постоянно должны иметь в виду два ее аспекта: военно-политическую борьбу двух союзов государств и постоянную борьбу внутри полисов различных группировок, причем эта внутриполитическая борьба зачастую сливалась с военными действиями на внешних фронтах.

Афины в первые годы войны совершенно не используют наемников. Проводя стратегию войны на истощение, они в это время вполне удовлетворяются силами граждан своих и союзных городов. Это тем более показательно, что, как известно, в начале войны Афины обладали огромными по масштабам конца V в. до н. э. денежными средствами, и, следовательно, не экономические причины определяют отсутствие наемников в их армии.

Первое упоминание о наемниках у афинян относится к последним годам Архидамовой войны и связано с Фракией, где им пришлось вести военные действия против фракийцев, бывших в войске Спарты. В 423 г. до н. э. в афинском войске кроме одной тысячи гоплитов и шестисот стрелков была тысяча наемных фракийцев и «других пельтастов из среды тамошних союзников»⁸. В следующем году Клеон отправил к царю одомантов Поллу послов с приказанием привести с собой «возможно больше фракийских наемников»⁹. По всей видимости, наемниками были также те

³ P a r k e, ук. соч., стр. 20 и др.; D i e s n e r, ук. соч., стр. 216; A u m a r d, ук. соч., стр. 23.

⁴ Например, Г. Дельбрюк, История военного искусства в рамках политической истории, I, М., 1936, стр. 135; J. Кромayer, G. Veith, Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer, München, 1928, стр. 74; И. М. Снежков, Очерки по военной истории, вып. 3, М., 1939, стр. 5 сл.; А. Свечин, Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней, I, М.—Л., 1927, стр. 28—31; Е. А. Рзин, История военного искусства, I, М., 1955, стр. 182; А. А. Строков, История военного искусства, М., 1955, стр. 60; F. E. Adcock, The Greek and Macedonian Art of War, Berkeley and Los Angeles, 1957, стр. 20—23.

⁵ Сошлемся на одну из последних работ такого рода — Cl. Mossé, La fin de la démocratie Athénienne, P., 1962, стр. 313 сл.

⁶ Наиболее подробно — P a r k e, ук. соч., стр. 15—19; см. также G. B. Grundy, Thucydides and the History of his Age, 2-е изд., т. I, Oxf., 1948, гл. X (стр. 253—266) и частично XIV (стр. 310 сл.).

⁷ Речь пойдет только о наемниках на службе полисов.

⁸ Th u c., IV, 129, 2 (здесь и далее отрывки из труда Фукидида даны в переводе Ф. Г. Мищенко — Фукидид, История, I—II, М., 1915). См. также A. W. Gomme, A Historical Commentary on Thucydides, III, Oxf., 1956, стр. 619.

⁹ Th u c., V, 6, 2; ср. A r i s t o p h., Acharn. v. 153 сл.

варвары-лучники, которые названы среди погибших во Фракии в одной из недавно найденных на афинской агоре надписей¹⁰.

Впервые наняли гоплитов Афины при подготовке Сицилийского похода. Тогда нужны были «не только флот с обыкновенным войском», но и «многочисленная пехота», поэтому следовало отправить в Сицилию «массу гоплитов своих и из среды союзников, как подданных наших, так и тех из Пелопоннеса, кого можно будет привлечь к походу увещанием или жалованием»¹¹. Точное число этих наемников неизвестно. Согласно Фукидиду, в походе участвовало пять тысяч сто гоплитов, четыреста восемьдесят стрелков, семьсот пращников и сто двадцать легковооруженных. Среди них было двести пятьдесят гоплитов-наемников из Мантинеи и других городов Аркадии и восемьдесят лучников-наемников с Крита. «Согласились идти на жалование» также этоляне (Thuc., VII, 57, 9), число которых Фукидид не указывает¹². Кроме того, афиняне наняли в Сицилии воинов из местных племен. Фукидид (VII, 57, 11) прямо называет только япигов, но можно думать, что варварская часть наемников была гораздо более многочисленна и разнообразна. У Диодора сохранилось свидетельство о восьмистах наемниках-кампанцах, которые после поражения Афин и их союзников в Сицилии оказались без дела¹³.

Если мы обратимся теперь к противникам Афин, то картина здесь окажется более сложной. Прежде всего, есть несколько свидетельств о наемниках на службе у «пелопоннесцев», т. е. всего Пелопоннесского союза. Наемников из Мантинеи включало союзное войско, которое под командой Еврилоха было отправлено в 426 г. против Акарнаний. Фукидид упоминает об этих наемниках, рассказывая о последовавших после поражения пелопоннесцев переговорах, причем выразительно называет их *τῶν μετὰ φόρον ὄντων τῶν ἑσπέρων*¹⁴.

Пятьсот наемников было у Педарита, посланного в 412 г. пелопоннесцами на Хиос. История их такова: правитель Карики Аморг отложился от царя (Thuc., VIII, 5, 5). Разбив Аморга у Иаса, пелопоннесцы всех его наемников зачислили к себе на службу, «потому что воины эти большей частью были из Пелопоннеса»¹⁵.

В последующие годы союзные военные силы включали какие-то отряды наемников, оплачивавшиеся, согласно договору, персидским царем (*τῇ βασιλῆϊ βασιλέα παρέχειν* — Thuc., VIII, 37, 4). Так, например, в 409 г. в Византии находился сильный гарнизон под командой Клеарха, состоявший из пелопоннесцев и наемников¹⁶.

Собственно Спарта сухопутные силы, и при этом довольно значительные, наняла в 424 г. во время фракийской кампании. Войско ее насчитывало около четырех тысяч человек, причем из двух тысяч гоплитов семьсот были пилотами, остальных Брасид «взял на жалование из Пелопоннеса» (*μετὰ πείρας*). Готовясь к битве, он нанял также полторы тысячи

¹⁰ B. D. Meritt, Greek Inscriptions, «Hesperia», XXI, 1952, № 4, стр. 340 сл., № 1. Варвары *τοῦσθαι* и *ἡπυτοῦσθαι* упоминаются в другой надписи; т и ц к а я, Обзор основных археологических открытий в Греции за послевоенные годы, ВДИ, 1955, № 2, стр. 213; И. Б. Брашинский, Эпиграфические памятники из материковой Греции (Открытия 1950—1955 гг.), ВДИ, 1957, № 2, стр. 209 сл.

¹¹ Thuc., VI, 21—22; VII, 57, 3.

¹² Thuc., VI, 43; VII, 57, 9.

¹³ Diod., XIII, 44, 1—2. Ср. Thuc., VI, 90, 3, где упоминаются «многочислен-

ные наемные варвары, иберы и другие».

¹⁴ Thuc., III, 107—109; ср. Gomme, ук. соч., II, 1956, стр. 422.

¹⁵ Thuc., VIII, 28, 2—4. Эти наемники служили еще отцу Аморга Писсуфну

(Thuc., III, 34, 2). См. также Gomme, ук. соч., II, стр. 296.

¹⁶ Xen., Hell. I, 3, 17; Diod., XIII, 66, 5.

фракийцев, пельтастов и всадников¹⁷. Так как у Спарты не было нужных средств, в оплате этих наемников Брасид зависел частично от македонского царя Пердикки, частично от Халкидской лиги, что заставляло его не всегда руководствоваться интересами своего государства и в то же время давало некоторую свободу — положение, совершенно не свойственное стратегу того времени и скорее несколько напоминающее позицию командира наемников IV в.¹⁸

Из союзников Спарты к помощи наемников самостоятельно обращался Коринф. В 433 г. коринфяне отправили на помощь Потидее «из своей среды добровольцев, а из прочих пелопоннесцев — наемников (*μισθοῦ πείσαντες*)», всего тысячу шестьсот гоплитов и четыреста легковооруженных¹⁹. Кстати, это самое раннее упоминание в источниках об участии наемников в Пелопоннесской войне или, вернее, в событиях, предшествующих началу этой войны. Наемники были также в числе пятисот гоплитов, посланных Коринфом в Сицилию; родом они были из Аркадии²⁰.

Что касается остальных участников войны, то мы знаем о наемниках только у митиленян. Однако использование ими наемных сил подводит нас уже к другой стороне войны, о которой писалось выше, а именно, — к внутриаполитической борьбе различных группировок в полисах, подчас выливавшейся в настоящую гражданскую войну. Сведения об участии наемников в событиях этого порядка довольно многочисленны. Прежде всего, наемники участвовали в военных действиях, послуживших своего рода прологом настоящей гражданской войны 427 г. на Лесбосе. В 428 г. митиленяне вместе с наемниками выступили против Мефимны — единственного на острове полиса, оставшегося верным Афинам. Атака их на город не удалась, и митиленяне поспешно возвратились домой. Известно далее, что выступившие вскоре после этого против Антиссы мефимняне были разбиты антиссянами и наемниками. Возможно, что речь идет об одних и тех же наемниках, которых Митилена передала политически тяготевавшей к ней Антиссе²¹. Далее, в 427 г. во время внутренней борьбы (*στασιάζοντες*) в Нотии одна из сторон призвала на помощь упоминавшихся уже наемников Писсуфна, «состоявших из аркадян и варваров» (Thuc., III, 34, 1—4). Еще раньше своих наемников Писсуфн одолжил самосским олигархам, которые, бежав на материк, собрали здесь семьсот наемников. С их помощью они безуспешно пытались свергнуть на Самосе власть демократов, восстановленную силой Афин²². Наемники были у керкирских олигархов и демократов (Thuc., III, 73—74).

Обращались к помощи наемников и изгнанники. В 424 г. изгнанные из Орхомена демократы наняли воинов в Пелопоннесе (Thuc., IV, 76, 3). В том же году наняли солдат митиленяне и другие лесбосские изгнанники, видимо, олигархи (Thuc., IV, 52, 2). Изгнанные из Мефимны олигархи в 411 г. набрали двести пятьдесят человек на материке (Thuc., VIII, 100, 3—5). В 403 г. в Афинах к найму прибегли и олигархи и демократы; по просьбе «Тридцати» Лисандр нанял одну тысячу²³, в 401 г. пригласили к себе на службу наемников «засевшие в Элевсине»²⁴. Собрав «кое-какое наемное

¹⁷ Thuc., IV, 80, 5; V, 6, 4—5.

¹⁸ H. W. Parke, The Development of the Second Spartan Empire (405—371 B. C.), JHS, L, 1930, № 1, стр. 42 сл.; о п ж е, Greek Mercenary Soldiers..., стр. 16.

¹⁹ Thuc., I, 60, 1. Об их дальнейшей судьбе см. Thuc., II, 70, 3, и, возможно, II, 79, 3 (ср. Parke, Greek Mercenary Soldiers..., стр. 16).

²⁰ Thuc., VII, 49, 4; 57, 9; 58, 3.

²¹ Thuc., III, 18, 1—2. См. также Gomme, ук. соч., II, стр. 277.

²² Thuc., I, 115, 4; Dio d., XII, 27, 3.

²³ Xen., Hell. II, 4, 28 и 30; Lys., XII, 59—60; Dio d., XIV, 33, 5.

²⁴ Xen., Hell. II, 4, 43.

войско», с помощью коринфян вернулся к власти тиран Астака Еварх (Thuc., II, 33, 1).

Особую проблему представляет использование наемников во флоте, особенно афинском. Флот в Пелопоннесской войне был главной ударной силой афинского государства, достигая иногда численности в несколько сот трирем (перед началом войны он насчитывал 300 боевых единиц). Экипаж триремы — основного типа корабля — состоял из двухсот человек: двадцати солдат морской пехоты (гоплиты и лучники) — ἐπιβάται, десяти обученных моряков — ὑπηρέται и ста семидесяти гребцов — ἐρέται²⁵. Следовательно, в целом в начале войны общая численность корабельного состава афинского флота достигает внушительных цифр: около шести тысяч человек морской пехоты, трех тысяч обученных моряков и пятидесяти одной тысячи гребцов²⁶. В последующие годы количество судов сократилось и соответственно уменьшилось общее число занятых на корабле людей, но в общем оно всегда оставалось весьма значительным.

Источники сообщают, что эта масса людей состояла из четырех основных групп: граждан Афин, афинских метеков, рабов и наемников. Вся проблема заключается в том, каково было соотношение этих четырех групп и какое место занимали среди них наемники. При этом наиболее важен вопрос о том, какую часть среди гребцов — преобладающей части экипажа — составляла каждая из четырех групп. Эти вопросы неоднократно привлекали внимание ученых, высказывавших самые различные, порой прямо противоположные взгляды. Согласно одной из точек зрения, большая часть гребцов была рабами²⁷. По мнению Клерка, эта роль принадлежала метекам²⁸, а сторонники третьей теории отводят ее наемникам — неафинянам²⁹. Наконец, существует и четвертое мнение — основную массу гребцов составляли афинские граждане³⁰.

Недавно пересмотревший всю эту проблему М. Амит пришел к выводу, который представляется весьма убедительным: в экипаже афинского флота определенное место занимали и наемники и рабы, но они представляли меньшинство даже среди гребцов, большая часть гребцов была из афинских граждан и метеков; морская же пехота и квалифицированные моряки вообще включали только две последние категории, причем граждане численно превосходили метеков³¹.

Справедливость данного вывода подтверждается, помимо доводов Амита, еще и следующим соображением: в 408 г. до н. э., согласно Ксенофону, спартанский наварх Лисандр просил у Кира повысить жалованье морякам, говоря, что если Кир это сделает, моряки противника покинут свои корабли. Кир увеличил жалованье, правда, не на половину, как просил его Лисандр, а только на один обол³². Плутарх, сообщая об этом эпизоде, пишет, что в короткое время корабли афинян обезлюдели. Большая часть

²⁵ M. A m i t, The Sailors of the Athenian Fleet, «Athenaeum», N. S., 40, 1962, I—II, стр. 158.

²⁶ Ср. G o m m e, ук. соч., II, стр. 42.

²⁷ A. B ö c k h, Die Staatshaushaltung der Athener, I³, hrsg. v. M. Fränkel, B., 1886, стр. 329 сл.

²⁸ M. C l e r c, Les métèques Athéniens, P., 1893, стр. 71.

²⁹ Д е л ь б р ю к, ук. соч., стр. 131 сл., 134; G. E. M. de S t e C r o i x, The Character of the Athenian Empire, «Historia», III, 1954, № 1, стр. 1 сл.

³⁰ G r u n d y, ук. соч., стр. 310 сл.; P. C l o c h é, La politique étrangère d'Athènes de 404 à 338 av. J.-C., P., 1934, стр. 312; J. de R o m i l l y, Thucydide et l'impérialisme Athénien, P., 1947, стр. 69.

³¹ A m i t, ук. соч., стр. 157—176.

³² X e n., Hell. I, 5, 2—7; P l u t., Lys. 4. О величине оплаты во флоте Спарты см. также T h u c., VIII, 29, 1—2; 45, 2.

экипажа переходила туда, где лучше платили³³, а оставшиеся повиновались неохотно, бунтовали и постоянно доставляли неприятности командирам³⁴. Однако анализ более близких по времени источников показывает, что в освещении данного события у Плутарха имеется столь частое у него преувеличение. Если обратиться к фактам, то окажется, что в действительности дело обстояло несколько иначе — командующий афинским флотом Конон смог экипировать семьдесят триер вместо ста прежних³⁵. Очевидно, что урон флоту Афин эта мера противника нанесла, но и преувеличивать его нельзя. Может быть, не будет слишком смело думать, что *mutatis mutandis* соотношение 70 и 100 является соотношением доли афинских граждан и метеков к общей численности экипажа. Конечно, не все наемники перебежали к спартамцам и, с другой стороны, среди перебежчиков могли оказаться метеки и даже граждане (хотя это и менее вероятно), но при всем этом предположение, что только 30% экипажа афинского флота состояло из наемников, как кажется, в какой-то мере отражает реальное положение.

Спарта в ходе Пелопоннесской войны также была вынуждена создать сильный морской флот. Но в отличие от Афин он в основном экипировался моряками-наемниками, набравшимися на персидские деньги. Мы уже упоминали о деятельности Лисандра. Переговоры сменившего его Калликратида с Киром были неудачными³⁶, но в 405 г., во время второго пребывания в Малой Азии, Лисандр вновь получил деньги от Кира и выдал морякам следующее жалованье³⁷.

Со спартанскими наемниками во флоте связано первое сообщение в источниках о неповиновении наемников из-за невыплаты жалованья³⁸ — явление, которое станет столь характерным для IV в. до н. э.³⁹

Кроме того, известно, хотя и очень немного, о наемниках в коринфском флоте. В 434 г. до н. э., готовя флот против Керкиры после разгрома в битве при Левкимне, коринфяне нанимали и моряков из Пелопоннеса, а гребцов и из остальной Эллады (Thuc., I, 31, 1). Вероятно, их имели в виду керкирские послы, когда с возмущением говорили о наемниках, которых набирают коринфяне даже во владениях Афин (Thuc., I, 35, 4).

Таковы те основные сведения о наемниках в период Пелопоннесской войны, которые сообщают наши источники. Переходя к их интерпретации, следует прежде всего остановиться на важнейшем для понимания греческого наемничества вопросе — какие области Греции и окрестных территорий были тем резервуаром, откуда греческие полисы черпали необходимые им наемные силы. Два чрезвычайно существенных момента можно отметить здесь, — во-первых, этими областями являются в первую очередь строго определенные районы Эллады и, во-вторых, каждый из них представлен, так сказать, своим видом войска, т. е. между отдельными видами войска и местом их происхождения прослеживается несомненная связь. Уже указывалось⁴⁰, что подавляющее большинство наемников-гоплитов

³³ О размере оплаты в афинском флоте см. Thuc., VI, 31, 3; VIII, 45, 2.

³⁴ Plut., Lys. 4.

³⁵ Xen., Hell. I, 5, 20. Ту же цифру указывает и Диодор (XIII, 77, 1). См. также M. Schmidt, Das Leben Konon's. Historische Abhandlung, Lpz, 1873, стр. 20; G. Barbieri, Conone, Roma, 1955, стр. 33. В переводе С. Я. Лурье ошибочно указано 80 триер (Ксенофонт, Греческая история, Л., 1935; ср. его же комментарий на стр. 234 сл.).

³⁶ Xen., Hell. I, 6, 6—7; Plut., Lys. 6.

³⁷ Xen., Hell. II, 1, 11—12.

³⁸ Xen., Hell. II, 1, 1—6; о восстании см. нашу статью в ВДИ, 1958, № 4, стр. 84.

³⁹ Parke, Greek Mercenary Soldiers..., passim; см. также ВДИ, 1962, № 3, стр. 75 и прим. 86.

⁴⁰ Griffith, ук. соч., стр. 237 сл.; ВДИ, 1958, № 4, стр. 75.

в Пелопоннесской войне, родина которых известна, — из Пелопоннеса, причем преобладают среди них аркадяне⁴¹, пельтасты — из Фракии⁴², лучники — с Крита⁴³.

Источники свидетельствуют, что это — не случайность. Действительно, Аркадия славилась своими гоплитами⁴⁴, аркадские наемники-гоплиты вошли в поговорку⁴⁵. По словам Фукидида, аркадяне имели «всегда обыкновение воевать по найму со всяким, кого указывали им» (ἐπὶ τοὺς ἀεὶ πολέμιους σφίσιν ἀποδεικνυμένους εἰσθότες ἰέναι), поэтому в Сицилии оказались в войсках обоих противников — и у афинян, и у коринфян — и должны были сражаться друг против друга (Thuc., VII, 57, 9). Фракия была родиной пельтастов⁴⁶, Крит был известен своими лучниками⁴⁷. И эта слава сохранилась за ними надолго. Хотя в течение IV в. развитие наемничества и отчасти вызванные им изменения в самом военном деле приводят как к некоторому ослаблению роли гоплитов, так и к утрате Пелопоннесом его исключительного положения как главного поставщика гоплитов-наемников, эта часть Греции частично сохраняет свое прежнее значение, особенно в первые десятилетия IV в. Здесь будет уместно напомнить характеристику, данную аркадянам в 60-х гг. IV в. стратегом Аркадского союза мантинейцем Ликомедом, которая перекликается с приведенными выше словами Фукидида. Указав, что аркадяне — самое многочисленное из греческих племен и что они превосходят всех физической силой, в качестве доказательства их мощи Ликомед указывает на то, что нуждающиеся в военной помощи обращались к аркадянам (ἐπιχοῦρων ὁπότε δεηθεῖεν τινες, οὐδένας ἤρουντο ἄλλ' Ἀρχάδων)⁴⁸. Судя по одной из надписей, также датированной 60-ми годами, наемники из Аркадии в это время служили и на Боспоре⁴⁹.

С пельтастами дело обстояло гораздо сложнее. Не вдаваясь в этот вопрос, укажем только, что в течение IV в. они получают невиданное до сих пор распространение и именно прежде всего в связи с возрастающей профессионализацией войска. Однако сами пельтасты претерпели существенное изменение, так что по существу возник новый вид войска⁵⁰.

⁴¹ Из Пелопоннеса — Thuc., I, 60, 1; IV, 52, 2; 76, 3; 80, 5; VI, 22, 1; VIII, 28, 4. Из Аркадии — Thuc., III, 34, 2; VI, 43, 1; VII, 19, 4; 57, 9; 58, 3.

⁴² Thuc., IV, 129, 2; V, 6, 2 и 4; VII, 27, 2; Xen., Hell. I, 3, 10.

⁴³ Thuc., VI, 25, 2; 43, 2; VII, 57, 9.

⁴⁴ W. Schwan, Heeresmatrikel und Landfriede Philipps von Makedonien, «Klio», Beiheft XXI, Lpz, 1930, стр. 20 сл.; Ch. Callmer, Studien zur Geschichte Arkadiens bis zur Gründung des Arkadischen Bundes, Lund, 1943, стр. 99; Parke, Greek Mercenary Soldiers..., стр. 14 и прим. 1; Griffith, ук. соч., стр. 237 сл.; M. Launeu, Recherches sur les armées hellénistiques, I, P., 1949, стр. 119 сл.

⁴⁵ У Афинян сохранился фрагмент одной из комедий Гермиппа, относящейся как раз ко времени начала Пелопоннесской войны. Перечисляя, что вывозится из разных районов, он, в частности, пишет: ἄπὸ δ' Ἀρχαδίας ἐπιχοῦρους (Athen., I, 27 f).

⁴⁶ Xen., Memor. III, 9, 2; ср. Herod., VII, 75. См. также F. Lammert, RE, 37 Hbd., 1937, s. v. Peltastai, стб. 403 сл.

⁴⁷ H. van Effenterre, La Crète et le monde Grec de Platon à Polybe, P., 1948, стр. 174 сл.; Л. Н. Казаманова, Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н. э., М., 1964, стр. 74 сл., 92.

⁴⁸ Xen., Hell. VII, 1, 23. О гоплитах из Пелопоннеса в IV в. см. также Griffith, ук. соч., стр. 238 сл.; в эллинистическое время — Launeu, ук. соч., стр. 121 сл.

⁴⁹ IOSPE, II, № 4. См. также В. Д. Блаватский, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 71; Н. И. Соколовский, К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э., СА, XXVIII, 1958, стр. 299—301.

⁵⁰ См., например: W. Rüstow, H. Köchly, Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhos, Aarau, 1852, стр. 163 сл.; H. Liers, Das Kriegswesen der Alten, mit besonderer Berücksichtigung der Strategie, Breslau, 1895, стр. 84 сл.; Дельбрюк, ук. соч., стр. 137 сл.; Кромayer, Veith, ук.

Что касается лучников, то в Пелопоннесскую войну они играли в общем вспомогательную роль, которую продолжают еще долго сохранять. О критских лучниках-наемниках мы знаем и в IV в. и особенно позднее, в эпоху эллинизма⁵¹.

Таким образом, если посмотреть на наемничество с точки зрения предположения, то, пожалуй, точнее будет сказать, что специфика его в Пелопоннесскую войну заключается скорее не в том, что наемники происходили из определенных районов Греции, поскольку эти районы отчасти сохранили свое значение и в последующее время, а в том, что они были только из этих районов. В этом резкое отличие греческого наемничества периода Пелопоннесской войны от последующего времени, когда наряду с этими старыми районами ту же самую роль начинает играть в той или иной мере вся Греция⁵². Следовательно, можно думать, что причины, заставлявшие жителей этих традиционных (в этом смысле) районов превращаться в наемников, действовали в течение более длительного времени, нежели рассматриваемый период, вынуждая определенную часть их населения отправляться в другие части Греции и даже за ее пределы на своего рода «отхожий промысел». Наемничество было тем средством, которое оттягивало избыточное население из этих областей⁵³.

Другим источником наемников был племенной мир. Как уже указывалось, взаимодействие его с рабовладельческими полисами порождало такие социально-родственные явления, как наемничество и пиратство⁵⁴.

Обращаясь к использованию наемников во внутриполитической борьбе, можно, как нам представляется, отметить следующее: эта борьба в период Пелопоннесской войны приобретает столь ожесточенный характер, распадение гражданского коллектива на враждующие силы в отдельных случаях принимает столь резкие формы, что борющиеся стороны начинают прибегать к таким методам борьбы, которые в общем ничем не отличаются от методов борьбы различных полисов друг с другом. Одним из таких методов и был наем чужеземных воинов. Хотя к помощи наемников во внутриполитической борьбе прибегают чаще, чем в собственно войне, обычно число используемых при этом наемников невелико и срок найма, насколько можно судить, значительно короче. Все это позволяет думать, что внутриполитическая борьба была вторым по значению рынком, поглощавшим наемную вооруженную силу, а первым, несомненно гораздо более широким, были регулярная армия и флот враждующих городов-государств.

соч., стр. 89 сл.; P a r k e, ук. соч., стр. 79 сл.; A d s o c k, ук. соч., стр. 21 сл.; C n e ж к о в, ук. соч., стр. 8—10; P a з и н, ук. соч., стр. 184—187; C т р о к о в, ук. соч., стр. 60 сл.

⁵¹ Многочисленные свидетельства источников о критских лучниках в эллинистических армиях собраны в работе М. Лонея (L a u n e y, ук. соч., стр. 248—286). См. также E f f e n t e r r e, ук. соч., стр. 175 сл.; М. К. Т р о ф и м о в а, Из истории эллинистического пиратства, ВДИ, 1963, № 4, стр. 62 сл.

⁵² G r i f f i t h, ук. соч., стр. 238 сл.; см. также наши статьи в ВДИ, 1958, № 4, стр. 75 сл.; 1962, № 3, стр. 72 и прим. 79.

⁵³ В литературе наличие здесь избыточного населения обычно связывают с социально-экономической отсталостью этих областей. О Пелопоннесе, прежде всего об Аркадии см. G. F o u g è r e s, Mantinée et l'Arcadie Orientale, P., 1898, стр. 4 сл.; C a l l i m e r, ук. соч., стр. 99; P a r k e, Greek Mercenary Soldiers..., стр. 14; L a u n e y, ук. соч., стр. 120 сл. См. также S c h w a h n, ук. соч., стр. 20 сл. Об эмиграции с Крита в связи с наемничеством пишет Эффантер, много места в своей работе о Крите уделявший знаменитым критским наемникам-лучникам (правда, главным образом в эллинистическое время — E f f e n t e r r e, ук. соч., стр. 113 и др.). О некоторых чертах в общественном устройстве и жизни Крита, сближающих его с Фессалией и другими так называемыми отсталыми районами Греции, см. К а з а м а н о в а, ук. соч., стр. 85 и др. О том, какие условия, прежде всего природные, обусловили формирование прекрасных критских лучников, см. L a u n e y, ук. соч., стр. 285 сл.

⁵⁴ См., например, Я. А. Л е н ц м а н, К вопросу об источниках эллинистического пиратства, ВДИ, 1946, № 4, стр. 219 сл.

Если мы перейдем теперь к этой первой сфере, то сразу же бросается в глаза одно чрезвычайно важное обстоятельство: полисы, о которых достоверно известно, что они использовали наемников в Пелопоннесской войне, являются наиболее значительными в Греции — это Афины, Коринф, Спарта. В Афинах сосредоточивалась экономическая и политическая мощь самого крупного в Элладе полиса и его союзников. Коринф был одним из крупнейших (очевидно, вторым после Афин) экономических центров Греции. Спарта была сильна своим политическим могуществом не только как отдельный полис, но и как глава всего Пелопоннесского союза. Это положение верно и в отношении флота, где наемники также известны только у этих трех государств.

Естественно будет поставить вопрос: что же послужило причиной того, что только у этих трех государств в вооруженных силах присутствовали наемники — или только эти государства испытывали необходимость в наемных силах в дополнение к своим гражданским ополчениям, или только они одни обладали экономической возможностью нанять чужеземные отряды?

Остановимся кратко на тех особенностях войны, которые, как нам кажется, могут пролить свет на эту проблему.

Прежде всего, следует отметить, что Пелопоннесская война была первой в целой серии войн, когда целью было установление гегемонии одного отдельно взятого полиса над всей Грецией. Самый характер рабовладельческого способа производства постоянно толкал полисы к внешней экспансии⁵⁵. В данном же случае передовой во всех отношениях полис Греции этого периода — Афины — достиг такого могущества, что реально ставилась задача установления гегемонии в Элладе. Опираясь на свой флот, на архэ, Афины рассчитывали достигнуть безусловного главенства над всей Грецией. К этому же, хотя и не она была инициатором войны, стремилась Спарта. Но, с другой стороны, полис как единый социальный организм обладает определенными масштабами, определенным пределом в своем расширении. Переход этих границ, этого рубежа не может быть безболезненным, ибо он требует кардинального изменения самой структуры полиса, в результате которой он перестает быть таковым⁵⁶. Тем самым возникает естественное, труднопреодолимое противоречие — постоянное стремление к экспансии и ограниченность возможностей. Этим, с нашей точки зрения, объясняется тот факт, что несмотря на неоднократные попытки ни один из греческих полисов не смог достигнуть сколько-нибудь длительной гегемонии в Греции.

Как нам представляется, появление наемничества в Греции в период Пелопоннесской войны было вызвано желанием обойти это противоречие, восполнить собственные, явно недостаточные для широкой панэллинской экспансии силы с помощью дополнительных, наемных вооруженных сил.

Именно в этом заключается специфика применения наемников в Пелопоннесской войне. Наемники используются как сила, дополняющая гражданское ополчение. Эта линия, намеченная Пелопоннесской войной, в дальнейшем будет продолжать существовать на протяжении IV в., но в наемничестве появится и другая линия, связанная с кризисом полиса, — все в большей мере наемники будут не дополнять гражданское войско, а заменять его. Тем самым можно считать, что одной из важнейших особенностей греческого наемничества периода Пелопоннесской войны является то, что оно, в отличие от последующего периода, связано с последним эта-

⁵⁵ А. В. М и ш у л и н, К изучению роли войны и военного производства в древности, ВДИ, 1940, № 1, стр. 220.

⁵⁶ С. Л. У т ч е н к о, Кризис и падение Римской республики, М., 1965, стр. 13 сл.

пом развития полиса, когда в лице крупнейших своих представителей полис начинает ставить себе явно непосильные цели, явившиеся в дальнейшем одной из причин кризиса его.

То, что нам известно о характере использования наемников в Пелопоннесской войне, подтверждает этот тезис. Наемники применялись, главным образом, в далеких походах, решительных наступательных действиях, иногда в качестве гарнизонов, держащих под контролем захваченные территории. Афины использовали наемников в довольно значительных размерах во флоте, бывшем главной ударной силой города, той силой, которую они считали ведущей в своей политике установления всеэллинской гегемонии. Точно так же широко использовались наемники во флоте Спарты, ставшем со временем главным противовесом мощи афинян. В то же время в оборонительных действиях по защите непосредственных границ полисов к помощи наемников еще совершенно не обращаются.

Но Пелопоннесская война имела и еще один принципиально новый аспект. Как грандиозность цели, ставившейся ее участниками, длительность, ожесточенность борьбы, так и ход экономического развития Греции в предшествующие годы придали совершенно иной характер экономической стороне войны. В отличие от предыдущих войн военные действия теперь зачастую ведутся длительное время, на отдаленных театрах, что приводит к новой постановке проблемы снабжения войска, ранее решавшейся примитивно просто. Собираются громадные силы, что ставит по-другому вопрос о военном снаряжении. В вооруженных силах обеих сторон активную роль играет флот, что еще больше выдвигает на первый план финансовую сторону войны. В обеих армиях появляются наемники, как в сухопутных силах, так и во флоте, наем которых стоит весьма значительных сумм. Наконец, в Афинах и, очевидно, некоторых других государствах к этому добавляется еще и проблема оплаты участвующих в боевых действиях граждан. Все это совершенно по-новому поставило вопрос о соотношении экономической и военно-стратегической сторон войны. Если ранее война рассматривалась главным образом только как источник военной добычи, а финансовые средства для ее ведения были нужны самые минимальные, ибо война была скоротечна, государство не должно было заботиться о вооружении, продовольствием войны снабжались индивидуально, то в Пелопоннесской войне ясно выдвинулась на первый план иная закономерность: для того, чтобы успешно вести войну и получить в результате победы те или иные политические или экономические (добыча) блага, необходимо обладать определенной финансовой мощью, обеспечивающей это успешное ведение войны.

Основное место среди расходов государств в годы Пелопоннесской войны занимало, естественно, содержание флота и оплата войска, гражданского и наемного. Подсчитать стоимость каждой крупной операции и особенно всей войны вряд ли вообще возможно, мы вполне согласны в этом отношении с Андреадесом⁵⁷. Однако представить самый масштаб этих трат мы можем, так как античные авторы сообщают, во сколько обошлись отдельные кампании. Так, продолжавшаяся два с половиной года осада Потидеи стоила Афинам две с половиной тысячи талантов, что составляло около одной трети наличных денежных запасов афинской казны в начале войны⁵⁸. Даже для крупнейших полисов подобная финансовая нагрузка была чрезмерной, и только мобилизация средств многих государств, втя-

⁵⁷ A. M. Andreades, *A History of Greek Public Finance*, I, Cambr. Mass., 1933, стр. 322. Андреадес приводит подсчеты Фравкотта, Белоха, Кавеньяка.

⁵⁸ Это цифра Фукидида (II, 70, 2). Исократ пишет о двух тысячах четырехстах талантах (I s o c r., XV., 113). О расходах см. также G o m t e, ук. соч., II, стр. 20—23, 144 сл., 432—436; III, стр. 687—689.

нутых в войну, придавала ей невиданный до того времени размах. В распоряжении Афин были средства ее многочисленных союзников, для Спарты немалую роль сыграли к тому же Персия и частично (во время фракийской кампании) Македония и Халкидская лига. Как нам представляется, именно в финансовой ограниченности следует видеть определенное препятствие к более широкому использованию наемных сил. Делать такое предположение позволяет следующий весьма показательный факт: когда фракийские пельтасты числом в тысячу триста человек, набранные для Сицилийской экспедиции, прибыли в Афины с опозданием, то афиняне вернули их обратно, так как содержать их для войны, которая велась из Декелеи, казалось дорого — каждый пельтаст получал по драхме ежедневно⁵⁹. Для сравнения скажем, что под Потидеей гоплит получал две драхмы — на себя и слугу⁶⁰.

Таким образом, как мы видим, потребность в наемных силах, дополняющих гражданские, имели только крупнейшие полисы, претендующие на гегемонию, а финансовыми возможностями для содержания этих сил, учитывая другие многочисленные военные расходы, собственно говоря, не обладал сам по себе ни один полис. В этом — еще одно отличие между периодом Пелопоннесской войны и IV веком до н. э., когда при всех финансовых трудностях, сопровождавших наем чужеземных воинов, отряды наемников, правда количественно очень различные и на очень разные сроки, появляются во многих не только средних, но и мелких государствах Эллады.

В связи с финансовыми проблемами войны представляет особый интерес вопрос о том, сознавались ли они руководителями двух противостоящих друг другу группировок еще до начала военных действий и, соответственно, учитывались ли при составлении стратегических планов или были в значительной мере неожиданными, вставшими только в ходе самой войны. Ответ на этот вопрос мы находим в речах, которые, согласно Фукидиду, произнесли в период, непосредственно предшествовавший войне, спартанский царь Архидам, коринфские послы и Перикл и текст которых приводится в I книге «Истории» Фукидида⁶¹. Вот некоторые мысли из этих речей: Архидам отмечал, что сила афинян заключается, в частности, в избытке личных и государственных богатств (πλοῦτος τε ἰδίῳ καὶ δημοσίῳ), а слабость спартанцев в том, что у них «нет денег в государственной казне» (I, 80, 3—4). Уничтожить противника можно, только разгромив его флот, ибо иначе не лишить афинян их доходов (I, 81, 4). Ведь война «зависит не столько от вооруженных сил, сколько от денежных средств (οὐχ ὅπλων τὸ πλεόν, ἀλλὰ δαπάνης), с помощью которых вооруженные силы только и могут принести свою пользу». Поэтому прежде всего надо запастись «денежными средствами» (I, 83, 2—3).

Эти же идеи развиваются и во второй речи коринфских послов, но уже в более практическом плане, — чтобы противопоставить свои силы афинскому флоту, необходимо мобилизовать денежные средства всего союза и также использовать дельфийские и олимпийские сокровища. Это позволит «высшею наемной платою (μισθῷ μείζονι) сманить от афинян моряков иноземцев (τοὺς ξένους ἀπὸν ναύβιατας): ведь у афинян войско не столько свое, сколько купленное за деньги» (ὡνητῇ ἅρ' Ἀθηναίων δούναμις μᾶλλον ἢ οἰκείῃ)⁶².

⁵⁹ Th u c., VII, 27, 1—2. О дальнейшей их судьбе см. Th u c., VII, 29—30.

⁶⁰ Th u c., III, 17, 3; ср. V, 47, 6 — о размере оплаты по Афинно-аргосскому договору. См. также P a r k e, ук. соч., стр. 231—233; G r i f f i t h, ук. соч., стр. 294 сл.

⁶¹ Th u c., I, 80—85, 2; 120—124; 140—144.

⁶² Th u c., I, 121, 3. Анализ этой речи как теоретико-политической конструкции, в которой проблема морской державы излагается с позиций олигархической теории, дан в книге А. К. Бергера «Политическая мысль древнегреческой демократии», М., 1966, стр. 274—276.

Взгляды афинян выражены в речи Перикла, представлявшей как бы прямой ответ противникам. Он говорит: «пелопоннесцы живут трудами рук своих, у них нет денег ни частных, ни общественных; потом, они неопытны в войнах продолжительных и в тех, которые ведутся за морем, так как вследствие бедности они воюют только между собою, и то кратковременно... Между тем войны ведутся не столько на взносы, выколачиваемые силой, сколько на готовые средства» (I, 141, 3, 5). Что же касается планов противника использовать храмовые сокровища для переманивания иноземных моряков (τοὺς ξένους τῶν ναυτῶν) высшей наемной платой (μισθὸν μείζοντι), то, как полагает Перикл, «это, действительно, было бы опасно, если бы мы со своей стороны не имели возможности сравняться с ними, вооружив корабли собственными гражданами и метеками. Но теперь эта возможность есть у нас, и, что всего важнее, кормчие — наши же граждане, и вообще судовая команда у нас многочисленнее и искуснее, чем у всех остальных эллинов» (I, 143, 1).

Общезвестно, что Фукидид свободно компоновал речи исторических деятелей⁶³, об этом он пишет и сам (I, 22, 1). Вопрос заключается в другом — когда эти речи были составлены? Ответ на него влечет необходимость обратиться к одной из самых запутанных проблем греческой историографии — к вопросу о генезисе и композиции «Истории» Фукидида. Начало этой проблеме положил в середине 40-х гг. прошлого века Ульрих, который первым пытался доказать, что к моменту заключения Никиева мира 421 г. Фукидид считал войну законченной; тогда и были написаны первые три с половиной книги «Истории». Но после возобновления военных действий он вновь стал собирать материал, который обработал уже после 404 г.⁶⁴ Построение Ульриха вызвало оживленный обмен мнений и нашло как многочисленных сторонников, так и не менее многочисленных противников. Продолжающееся с тех пор вот уже более века обсуждение вопроса о времени и порядке составления труда Фукидида породило огромную литературу, но и сейчас остаются в силе сказанные еще в прошлом веке по этому поводу слова Ф. Г. Мищенко об ученых, которые «до сих пор не могли придти, да и вряд ли когда-либо и придут, к единству взгляда»⁶⁵. В подтверждение назовем только некоторые из вышедших после этого работ: книгу Шварца⁶⁶, статью об единстве «Истории» Фукидида Финли и его же книгу о Фукидиде⁶⁷, второе издание исследования Грэнди «Фукидид и история его века», работу Ромилли⁶⁸ и комментарий Гомма к Фукидиду⁶⁹, в которых в той или иной связи также затрагивается вопрос о композиции, и, наконец, совсем недавно появившуюся

⁶³ О различных взглядах на речи Фукидида см. D. G r e e n e, Greek Political Theory. The Image of Man in Thucydides and Plato, Chicago and London, 1965, стр. 20—22.

⁶⁴ Об этом см. В. Б у з е с к у л, Введение в историю Греции, Харьков, 1903, стр. 82 сл.; Ф. М и щ е н к о, Фукидид и его творение, вступит. статья к его переводу: Ф у к и д и д, История, т. I, стр. LV.

⁶⁵ М и щ е н к о, ук. соч., стр. LIV.

⁶⁶ Ed. S c h w a r t z, Geschichtswerk des Thukydides, Bonn, 1919. О работе Шварца см. К. К. З е л ь и н, Из иностранной литературы о Фукидиде, ВДИ, 1950, № 4, стр. 115 сл.; J. H. F i n l e y, The Unity of Thucydides' History, в кн. «Three Essays on Thucydides», Cambr. Mass., 1967, стр. 118—169. Эта статья первоначально была напечатана в «Athenian Studies Presented to W. S. Fergusson», «Harvard Studies in Classical Philology», Supplementary volume I, 1940.

⁶⁷ J. H. F i n l e y, Thucydides, Cambr. Mass., 1942. О книге Финли см. также З е л ь и н, Из иностранной литературы о Фукидиде, стр. 120 сл.

⁶⁸ R o m i l l y, Thucydide et l'impérialisme Athénien, стр. 28 сл., 128, 221 слл. и др. Рецензия — К. К. З е л ь и н, ВДИ, 1951, № 1, стр. 195—203.

⁶⁹ G o m m e, ук. соч., I, 1945, стр. 247, 418—420, 463 сл. и др.

книгу Адкока ⁷⁰ — перед нами прежнее разнообразие мнений и несовместимость позиций.

При всяких этих различиях во взглядах сущность разногласий по вопросу о композиции труда Фукидида можно, однако, свести к борьбе унитаристов и генетистов ⁷¹, которые в какой-то мере восходят к двум античным биографиям Фукидида — Маркеллина (46—47) и анонимной (8). В рамках нашей работы вряд ли необходимо останавливаться подробно на всей этой сложной и запутанной проблеме. Ограничимся поэтому двумя, пожалуй, наиболее яркими примерами. По мнению «крайнего унитариста» ⁷² Дж. Финли, Фукидид издал свой труд целиком после окончания войны ⁷³. Находящийся на другом полюсе Эд. Шварц видит в произведении Фукидида собрание совершенно различных частей, не обработанных автором и механически соединенных рукой издателя ⁷⁴.

Но как бы ни были велики разногласия среди ученых, для нас важно одно — насколько мы можем судить, большинство из них не отрицает, что интересующие нас речи из I книги Фукидида или были составлены позднее того времени, когда они, по его словам, были произнесены, или, по крайней мере, подверглись значительным дополнениям и изменениям.

Но когда же именно? Ответ на этот вопрос, естественно, связан с общим отношением того или иного историка к композиции труда Фукидида. Шварц в названной книге считает, например, что все произнесенные в Спарте речи коринфских послов и речь Архидама были написаны после Никиева мира 421 г. до н. э. Ромилли отстаивает наличие в I книге двух слоев (les passages tardifs et anciens), полагая, что во вторую редакцию ее вошли значительные части из первой, написанной как введение в историю Десятилетней войны ⁷⁵. В общем, ясно, что никакого точного ответа дать на поставленный вопрос невозможно, и мы должны удовлетвориться его решением в самой общей форме.

Среди всей этой обширной литературы о Фукидиде в рамках темы данной статьи особого внимания заслуживает исследование Грэнди. В вопросе об общей композиции труда Фукидида он, правда (как это уже отмечалось) ⁷⁶, не выдвинул оригинального решения, но книга его важна для нас благодаря тому большому месту, которое он уделяет в ней экономической стороне войны, тесной связи с ней вопросов чисто военных, характеру войска. Грэнди полагает, что интересующие нас речи являются вторичной редакцией, в которой автор, зная уже об исходе войны и о наемниках, особенно во флоте), перенес этот опыт войны в дискуссию, предшествующую ей, стремясь тем самым придать своему труду большую

⁷⁰ F. E. Adcock, *Thucydides and his History*, Cambr., 1963 (реп. на нее см.: F. Sieveking, «Gnomon», т. 36, 1964, № 7, стр. 650—654). Ср. F. E. Adcock, *The Dates of Composition of Parts of Thucydides I and II—V*, 20, «The Cambridge Ancient History», ed. by J. B. Bury, S. A. Cook, F. E. Adcock, v. V, 1927, стр. 480—483.

⁷¹ Об этом см. Зельин, Из иностранной литературы о Фукидиде, стр. 116. О более ранних работах см. Бузескул, Введение в историю Греции, стр. 82 сл.; Мищенко, ук. соч., стр. LIV—LIX; изложение взглядов самого Мищенко — стр. LIX—LXIV.

⁷² Выражение Сен-Крюа (Ste Croix, ук. соч., стр. 31, прим. 2).

⁷³ Finley, *The Unity of Thucydides' History*, стр. 118 сл., особенно 163 сл. (по изд. 1967 г.).

⁷⁴ Schwartz, ук. соч., стр. 3 слл. и др. См. также Зельин, Из иностранной литературы о Фукидиде, стр. 115.

⁷⁵ Thucydide, *La guerre du Péloponnèse*. Texte établi et traduit par J. de Romilly, P., 1954, Notice, стр. 1 слл.; она же, *Thucydide et l'impérialisme Athénien*, стр. 28—31 и др.

⁷⁶ Зельин, Из иностранной литературы о Фукидиде, стр. 116.

цельность и логичность⁷⁷. Важнейшим аргументом Грэнди в его системе доказательств является сравнение тех планов войны, которые были выражены в этих речах, и действительных мероприятий двух правительств в первый период войны.

Это сравнение показывает, что ни одна из воюющих сторон вначале не осознала еще всего своеобразия новой войны, не осознала того, что отличает ее от предыдущих войн — выдвижения на первый план финансово-экономической стороны, неизбежности длительности ее и, наконец, что для нас особенно важно, — необходимости привлечения дополнительных военных сил, т. е. наемников. Оба правительства рассчитывали вести войну традиционными методами и средствами, ни одна из воюющих сторон не планировала использования наемников. Только сам ход военных действий заставил пересмотреть эти сложившиеся концепции ведения войны и по-новому решать ее проблемы.

Однако здесь имеется одно обстоятельство, которое нельзя не учитывать. Оно связано с различным характером строя Афин и Спарты, различным уровнем их развития. Спарта, более традиционная и консервативная, медленнее учитывала новые требования, чем Афины. Еще в 424 г. до н. э. использование наемников Брасидом рассматривалось не как дело Спарты, а скорее как личное предприятие Брасида⁷⁸. Иное дело — Афины, значительно более динамичное руководство которых раньше осознало необходимость обращения к наемным силам. К тому же у Афин был известный опыт, поскольку уже на протяжении некоторого времени перед Пелопонесской войной в составе афинского флота имелись наемники. Флот, рассматривавшийся Афинами как главное орудие их великодержавной политики, раньше, чем армия, потребовал привлечения дополнительных сил извне, ибо в нем, развивавшемся неизмеримо быстрее, чем афинская армия⁷⁹, гораздо быстрее проявилось то явление, которое мы отмечали выше, — лимитированность сил полиса, недостаточность их даже у такого города, как Афины, для ведения политики гегемонизма в Элладе. Конечно, необходимо иметь в виду и два следующих момента: во-первых, как уже указывалось, сравнительно небольшое число наемников во флоте и, во-вторых, иную роль их во флоте, нежели в армии. Если в армии наемник — это воин, то во флоте он прежде всего гребец, лишенный оружия и рассматриваемый только как своего рода часть двигателя корабля. Разумеется, без гребцов тогдашний флот немыслим, но то обстоятельство, что наемники во флоте не имеют в своих руках оружия, создавало им особый модус, отделяя их от гоплитов. Но, с другой стороны, самое наличие наемников облегчало изменение психологии гражданина, в мировоззрении которого сливались воедино понятия гражданин — воин — землевладелец.

Пелопонесская война представляет для нас интерес еще в одном отношении — только начиная с этого периода греческой истории мы можем ставить проблему профессионализации армии. Проблема эта гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, так как связана не только с появлением в вооруженных силах государств наемных контингентов: в ходе войны и граждане, по крайней мере Афин, как служившие в сухопутных силах, так и входившие в состав корабельных команд, получали денежную оплату.

Хотя вряд ли найдется работа по истории Греции V в. до н. э., в которой не упоминалось бы об установлении оплаты гражданам за военную

⁷⁷ G r a n d y, ук. соч., стр. 310, 319 слл.

⁷⁸ Там же, стр. 263 сл.

⁷⁹ Там же, стр. 257, ср. стр. 294.

службу, вопрос этот не очень ясен. Как справедливо заметил Гриффит, «история этого предмета темна настолько, насколько это вообще возможно»⁸⁰. Действительно, здесь буквально все, кроме самого факта оплаты, неопределенно или вообще неизвестно — когда она была введена, кто был инициатором этого, претерпела ли оплата какую-нибудь эволюцию не только в размере, но и по форме; может быть, первоначально гражданам государство давало только провиант натурой, который был заменен соответствующей суммой денег, и только позднее к ней была добавлена собственно плата — *μισθός*; каково было соотношение между *σίτος*, *στισιρρέσιον*, *στισιρχία*, *μισθός*; что означало *τροφή* — вот далеко не полный перечень вопросов, которые встают перед исследователем.

Если последняя группа вопросов привлекала внимание историков, которые давали какие-то, пусть не всегда убедительные, ответы на них⁸¹, то вопрос о том, кто и, главное, когда ввел оплату, по существу специально не исследовался. В общем обычно или пишут о Перикле — мнение, которое восходит к Беку, опиравшемуся на схолии Ульпиана к речи Демосфена «О распределении средств» (иногда введение оплаты связывают с перенесением союзной казны в Афинах и изменением всего характера Афинского морского союза)⁸², или говорят о пентеконтаэтии, времени вскоре после Греко-персидских войн⁸³.

Попытаемся дать свое понимание этой проблемы. В нашем распоряжении есть несколько источников. Начнем с уже упомянутого свидетельства Ульпиана, которое отличается краткостью и категоричностью. Вот что он пишет о Перикле: *πρώτος γὰρ ἐκείνος ἔταξε μισθοφορὰν καὶ ἔδωκε τῷ δήμῳ στρατευόμενῳ*⁸⁴. Существует, однако, мнение, что это источник очень ненадежный и что Ульпиан спутал факты, приписав Периклу в отношении войска хотя Перикл действительно ввел оплату судей, это вовсе еще не доказывает, что он не мог ввести ее и в гражданском войске. В общем, вопрос о том, насколько утверждение Ульпиана соответствует действительности, очевидно, не может быть решен сам по себе, в отрыве от других источников.

Эти другие источники — Аристотель и Плутарх. Аристотель говорит об оплате войска в двух местах «Афинской политики» — в 24,1 и 27,2, но при

⁸⁰ Griffith, ук. соч., стр. 264.

⁸¹ Не касаясь здесь этой стороны вопроса, укажем только, что литература об оплате — ее структуре и размере, достаточно обширна, хотя очень немногие из работ оригинальны, особенно общие труды по военному делу. Из более новых работ понаемникам эллинистической эпохи первую часть гл. X «Оплата и содержание наемников» посвятил V—IV вв., остановившись и на соотношении понятий *σίτος* и *μισθός* (много места он уделяет анализу Псевдо-Аристотелевой экономики), — Griffith, ук. соч., стр. 264—273. Специально оплате командиров посвящена статья Ларсена — J. A. O. Larsen, *The Acharnians and the Pay of Taxiarchs*, «Classical Philology», XLI, 1946, № 2, стр. 91—93.

⁸² Böckh, ук. соч., стр. 340. См. также Ad. Schmidt, *Das Perikleische Zeitalter*, Bd. I, *Perikles und sein Zeitalter*, Jena, 1877, стр. 45; A. Martin, *Les cavaliers Athéniens*, P., 1887, стр. 346; В. В. Латышев, *Очерк государственных древностей*, ч. 1, 2-е изд., СПб., 1883, стр. 291; K. Tānzer, *Das Verpflügungswesen der griechischen Heere bis auf Alexander d. Gr.*, Jena, 1912, стр. 70; F. Miltner, RE, 37 Hbd., 1937, s. v. Perikles, 1, стб. 759 сл.; E. M. Walker, «The Cambridge Ancient History», V, стр. 103 сл. Последний, правда, называет Перикла предположительно.

⁸³ G. Busolt, *Griechische Staatskunde*, ч. I, München, 1920, стр. 582. Парк («Greek Mercenary Soldiers...», стр. 18, прим. 4) повторяет мнение Бузольта, ссылаясь на него. O. Schultheiss, RE, 30 Hbd., 1932, s. v. Μισθός, 3, стб. 2084.

⁸⁴ Schol. ad. Dem., *Περὶ συστάξεως*, 163, 1 (Demosthenes, ex rec. G. Dindorfii, v. VIII, Oxonii, 1851, p. 222, 10—11).

⁸⁵ Это отметил Фрейкель в прим. к 3-му изд. труда Бека (Böckh, ук. соч., II, 1836, *Anmerkungen des Herausgebers zum ersten Band*, стр. 71*, прим. 487). Ср. Tānzer, ук. соч., стр. 70; Schultheiss, RE, s. v. Μισθός, 3, стб. 2084.

обращении к ним мы встречаемся с большими трудностями источниковедческого характера — сразу же встает вопрос об источниках Аристотеля и их интерпретации им.

Как известно, «Афинской политии» посвящено огромное количество работ. Еще в самом начале XX в., т. е. немногим более 10 лет после опубликования Кеннионом рукописи трактата, В. П. Бузескул писал о «чрезвычайно обширной, можно сказать, необозримой, литературе» о нем⁸⁶. За последующие шестьдесят лет число исследований об этом труде Аристотеля неизмеримо возросло⁸⁷. Изучались самые различные вопросы и в числе их — ценность «Афинской политики» как исторического источника и вопрос об ее источниках. Оценки Аристотеля как историка давались при этом весьма различные — от благоприятных до самых критических, когда его обвиняли не только в тенденциозности, но и в прямом искажении фактов в угоду общетеоретическим построениям⁸⁸. Было также установлено, что Аристотель пользовался самыми разнообразными источниками, которые далеко не всегда могут быть выявлены и разноречивый характер которых он подчинял своим собственным концепциям⁸⁹. Поэтому «Афинская полиция» — источник сложный, к показаниям ее следует относиться с большой осторожностью и, говоря словами В. П. Бузескула, «в каждом отдельном случае подвергать их тщательной проверке и критике»⁹⁰.

Какие же сведения об оплате войска мы находим в «Афинской политике»? В главе 24 речь идет о времени Аристиды. Рассказывая об успехах Афин в создании морского союза, Аристотель пишет, что, когда в государстве накопилось много денег, Аристид стал советовать афинянам добиться гегемонии и переселиться гражданам из деревни в город, обещая им всем пропитание (*τροφήν*), одним — за участие в походах, другим — за гарнизонную службу, третьим — за исполнение общественных обязанностей. Послушавшись его совета, афиняне взяли власть в свои руки и стали деспотично относиться к союзникам. На деньги, получаемые от союзников, они установили содержание большинству (*κατέστησαν δὲ καὶ τοῖς πολλοῖς εὐπορίαν τροφῆς*). Далее Аристотель перечисляет всех, кто получал это содержание, — судьи, стрелки, всадники, члены буле и др., определяя общее число их более чем в 20 тысяч⁹¹. Глава заканчивается указанием на то, что, когда впоследствии началась война, содержание (*ἡ δίοικησις*) стали получать еще ряд категорий, в частности гоплиты.

Эта 24 глава логически связана с предшествующей ей 23 и следующей за ней 25 главами, основной темой которых является Ареопаг. Именно эти главы и особенно § 3 главы 24, где как раз речь идет о *τροφῇ*, вызвали

⁸⁶ Бузескул, Введение в историю Греции, стр. 160.

⁸⁷ Любопытно отметить, что авторство Аристотеля — вопрос, который, казалось, можно считать давно решенным — до сих пор вызывает сомнение. В одной из недавно появившихся статей мы читаем о Псевдо-Аристотелевой «Афинской политике» (R. S. S. e a l e y, The Entry of Pericles into History, «Hermes», 84, 1956, № 2, стр. 234—247).

⁸⁸ Яркий пример такой оценки см. в одной из новых работ об Аристотеле — книге Дэя и Чэмберса (J. D a y and M. C h a m b e r s, Aristotle's History of Athenian Democracy, Berkeley and Los Angeles, 1962). См. также рецензию на нее А. И. Доватура — ВДИ, 1967, № 2, стр. 265—273. Об изучении «Афинской политики» в XIX в. см. Бузескул, Введение в историю Греции, стр. 161—170.

⁸⁹ См. Бузескул, Введение в историю Греции, стр. 191—212 и указанную там большую литературу. Из последних работ см. книгу А. И. Доватура «Политика и Политика Аристотеля», М. — Л., 1965, особенно отдел II, гл. 1 (стр. 115 сл.), а также стр. 193 и др. и названную на стр. 364 литературу.

⁹⁰ Бузескул, Введение в историю Греции, стр. 191.

⁹¹ См. U. von Wilamowitz-Moellendorf, Aristoteles und Athen, II, В., 1893, стр. 206 сл.; В. Бузескул, «Афинская полиция» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в., Харьков, 1895, стр. 440—442.

в литературе значительный комментарий. После опубликования рукописи «Афинской политики» критики отнеслись к ней суровее, чем к какой-либо другой ее части; на эту главу прежде всего опирались отрицавшие авторство Аристотеля⁹². Не менее сурово судят о ней и авторы недавно вышедшей работы об «Афинской политике» Дэй и Чэмберс. Не останавливаясь подробно на их общих взглядах⁹³, отметим лишь самое основное, необходимое для понимания интерпретации ими главы 24. Книгу Дэя и Чэмберса, как уже отмечалось⁹⁴, отличает превратное представление о соотношении между теоретическими положениями Аристотеля в «Политике» и изложением им фактов в «Афинской политике». К историческим источникам, каковыми они считают прежде всего историков IV в., Аристотель, по мнению Дэя и Чэмберса, подходил предвзято, приспосабливая их к определенным шаблонам, порожденным его теориями. Ведущей идеей в «Афинской политике» американские ученые считают теорию о четырех типах демократии, изложенную в «Политике». С этих позиций они рассматривают и главы 23—25. Аристотель допускает в них явные хронологические ошибки, помещая некоторые события в более раннее время, чем они произошли. Причину этого Дэй и Чэмберс видят не столько в источнике (по их мнению, это вопрос второстепенный, да и невозможно определить, кого предпочел Аристотель — Андротиона или Клидема), сколько в общей схеме Аристотеля. Все изложение Аристотель подчинил здесь схеме, которую он наложил на материал, ловко придав ему видимость правдоподобия. Главы 23—25 представляют из себя конструкцию Аристотеля, призванную заполнить интервал между второй демократией Клисфена и четвертой, радикальной демократией, начало которой положил Эфиальт. Чтобы сделать третью демократию исторической реальностью, ряд событий, которые произошли при Перикле и позже, Аристотель приурочивает к более раннему времени — времени этой третьей формы демократии. В общем рассказ Аристотеля в главе 24 ложен, он частично основан на голословных утверждениях, ошибках и анахронизмах⁹⁵.

Не разделяя крайностей в суждениях Дэя и Чэмберса об «Афинской политике» в целом⁹⁶ и, в частности, о главе 24, нельзя не согласиться с их соображениями о хронологических смещениях и противоречиях в тексте Аристотеля. Подобные наблюдения делались уже и раньше — мы находим их не только у Нисе⁹⁷, также принадлежащего к числу крайних скептиков в оценке «Афинской политики», но и у такого осмотрительного и беспристрастного исследователя, как Сандис⁹⁸. Так, указывалось, что о введении оплаты гелиастам Аристотель пишет дважды, в 24, 3 и 27, 3, приписывая в первом случае Аристиду то, что, по его же собственным словам (27, 3), сделал Перикл. Такое же хронологическое смещение наблюдается в отношении переселения афинян в город⁹⁹. Отмечалось также, что приведенные Аристотелем цифры количества стрелков и всадников (ты-

⁹² D a y and C h a m b e r s, ук. соч., стр. 124.

⁹³ См. указ. рец. Доватура, стр. 266 слл.

⁹⁴ Там же, стр. 273.

⁹⁵ D a y and C h a m b e r s, ук. соч., стр. 124—126, 135 сл.

⁹⁶ См. критику А. И. Доватура в указ. рец., стр. 266 слл., а также в его книге «Политика и Политика Аристотеля», стр. 366 сл.

⁹⁷ B. N i e s e, Über Aristoteles' Geschichte der Athenischen Verfassung, «Historische Zeitschrift», т. 69, 1892, стр. 41 сл.

⁹⁸ Aristotle's Constitution of Athens. A Revised Text with an Introduction, Critical and Explanatory Notes, Testemonia and Indices by J. E. Sandys, 2-е изд., L., 1912, стр. 102 — комментарий к гл. 24.

⁹⁹ Б у з е с к у л, «Афинская политика» Аристотеля как источник..., стр. 175 сл., 216; D a y and C h a m b e r s, ук. соч., стр. 124 сл.

сяча шестьсот и тысяча двести) заимствованы у Фукидида (II, 13, 6 и 8) и относятся к началу Пелопоннесской войны, т. е. тоже к более позднему времени¹⁰⁰. Все это, говоря словами В. П. Бузескула, «сильно подрывает веру в свидетельство Аристотеля вообще касательно Аристида». Именно к Перикловой эпохе, по его мнению, должно относиться то, что говорит Аристотель по поводу Аристида в 24 главе¹⁰¹.

Второе свидетельство Аристотеля об оплате войска содержится в главе 27, где речь идет о Перикле. Из нее мы узнаем, что во время Пелопоннесской войны «народ, запертый в городе и привыкший на военной службе получать жалованье (*συμμετοχεῖς ἐν ταῖς στρατείαις μισθοφορεῖν*), отчасти сознательно, отчасти по необходимости стал проявлять более решительности, чтобы управлять государством самому» (27, 2)¹⁰².

Источник этого сообщения, видимо, установлен быть не может¹⁰³, но историчность его не отвергают даже такие гиперкритики, как Дэй и Чэмберс. Более того, они считают данное место «единственной точной частью этого текста»¹⁰⁴. Однако помочь нам в решении поставленного вопроса это сообщение не может. Хотя оно и находится в рассказе о Перикле, из этого вовсе не следует, что именно он установил оплату гражданам за военную службу.

Итак, вывод из всего сказанного следует в общем весьма неутешительный: у нас нет никаких твердых оснований, чтобы судить, была ли введена оплата войску до Перикла или им, и если им, то до начала Пелопоннесской войны или в ходе ее. Это не может, однако, как кажется, помешать высказать некоторые соображения в пользу того, что военная служба граждан стала оплачиваться при Перикле.

При всей ненадежности и неопределенности указаний Аристотеля в главе 24 и анахронизмах в ней, один факт должен быть принят во внимание: Аристотель относит ко времени Аристида введение оплаты только стрелкам и всадникам, отделяя от них две тысячи пятьсот гошлитов — им, как он пишет, стали давать содержание из казны (*ἡ διοίκησις*) с начала Пелопоннесской войны¹⁰⁵, в ходе которой, как мы узнаем далее (27, 2), народ и привык получать оплату. Есть, кроме того, два свидетельства — Платона и Плутарха — о введении оплаты Периклом. Правда, оба они пишут в самой общей форме, не связывая оплату именно с военной службой. В диалоге «Горгий» содержится обвинение Перикла в том, что он развратил афинян, первым введя оплату (*εἰς μισθοφορίαν πρῶτον κατὰστῆσαντα*)¹⁰⁶. Плутарх,

¹⁰⁰ N i e s e, ук. соч., стр. 41 сл.; Комментарий Сандиса к Athen. pol. 24, 2 в его изд., стр. 102; Б у з е с к у л, «Афинская политика» Аристотеля как источник..., стр. 216; о н ж е, История афинской демократии, СПб., 1909, стр. 160 и прим. 1.

¹⁰¹ Б у з е с к у л, «Афинская политика» Аристотеля как источник..., стр. 409, 439 сл.

¹⁰² Перевод С. И. Радцига — А р и с т о т е л ь, Афинская политика, М. — Л., 1936.

¹⁰³ По крайней мере, судя по соображениям Ж. Матье и Б. Оссюлье (Aristote, Constitution d'Athènes. Texte établi et traduit par G. Mathieu et B. Haussoullier, P., 1941, Introduction, стр. IV сл.).

¹⁰⁴ D a y and C h a m b e r s, ук. соч., стр. 143 сл. Специально вопрос об оплате они не рассматривают, упоминая о ней лишь в связи с двумя концепциями политики Перикла, представленными Фукидидом и Аристотелем.

¹⁰⁵ P l a t o, Gorg. 515e. Следует, однако, отметить, что место это понимается по-разному. В. П. Бузескул, например, видит в *μισθοφορία* оплату судей (Б у з е с к у л, «Афинская политика» Аристотеля как источник..., стр. 269 и прим. 3 на стр. 269 сл.). Ср. перевод А. Круазе (P l a t o n, Oeuvres complètes. Texte établi et traduit par A. Croiset avec la collaboration de L. Bodin, 6-е изд., t. III, 2-е р., P., 1955). Иначе — Тэнцер, который ссылается на P l a t o, Gorg. 515e, говоря о введении оплаты войску Периклом (T ä n z e r, ук. соч., стр. 70).

¹⁰⁶ A r i s t o t., Athen. pol. 24, 3. См. также комментарий в изд. Sandys, Aristotle's Constitution of Athens, стр. 104.

ссылаясь на мнения «многих» (πολλοί), утверждает, что Перикл «первым» (πρῶτον) направил помыслы народа на клерухии и раздачу платы (μισθὸν δαχρυῖας προχρηθῆναι) ¹⁰⁷. Если к тому же вспомнить приводившееся уже сообщение Ульпиана, то, очевидно, можно будет считать, что предположение о Перикле находит некоторые основания в источниках.

Как известно, кроме армии оплату получал и флот. Здесь мы располагаем единственным свидетельством Плутарха, в котором, однако, также не содержится никаких точных сведений о времени установления жалования экипажу судов. Плутарх рассказывает, что Перикл каждый год отправлял в море шестьдесят триер сроком на восемь месяцев. На них служило много граждан, которые получали оплату, вместе с тем приобретая познания и навыки в морском деле ¹⁰⁸. Из контекста совершенно очевидно, что речь идет о времени до начала войны. Подобная мера имела помимо военной цели — создания кадров обученных моряков — еще и другую — обеспечить пропитание низшим слоям населения Афин (поскольку среди моряков преобладали феты) — и была целиком в духе общей политики Перикла. Плутарх в следующей фразе пишет о высылке клерухов в Херсонес, на Наксос и Андрос и о возобновлении Сибариса и далее объясняет побудительные причины этой деятельности Перикла — он стремился, в частности, помочь бедным людям ¹⁰⁹.

Но такова была политика только в отношении низов афинского общества. Гражданское ополчение, состоявшее из гоплитов, до начала войны не получало оплаты, и в этом был второй аспект политики Перикла с его ориентацией на средние слои афинской демократии, из которых главным образом и рекрутировалась основная часть войска — гоплиты. Однако уже в самом начале войны Периклу пришлось отказаться от этого принципа, и оплата была введена и гражданам-гоплитам.

Заключая рассмотрение вопроса об оплате, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что это только наше предположение и, возможно, дело обстоит и не совсем так. Вполне допустимо, что государство начало несколько раньше поддерживать своих воинов-граждан, может быть, сначала оплачивая им провиант.

Как бы то ни было, для нас важно одно — и это несомненно: только по отношению столь длительной войны, как Пелопоннесская, в ходе которой граждане привыкли получать жалование, можно говорить о начале профессионализации гражданского войска. Во время этой войны армия и флот, во всяком случае Афин, делают значительный шаг на пути превращения в профессиональные вооруженные силы, сближаются по своему характеру с наемниками, которые появляются в войсках полисов впервые также только в это время. В этом некоторые исследователи даже видят одну из главных причин поражения Афин в войне ¹¹⁰. В такой утрированной форме это утверждение вряд ли верно, ибо нельзя не видеть принципиальной разницы между оплатой гражданина и наемника: если для второго это — единственная связь с нанявшим его полисом, то для первого — одна из многих, наряду с другими, гораздо более важными — экономическими, политическими и моральными факторами, а оплата могла рассматриваться как известный аналог той плате, которую он получал за исполнение гражданских обязанностей — заседания в суде и т. п.

Вместе с тем несомненно, что первый шаг в направлении превращения гражданского ополчения в наемную армию уже сделан. Это, прежде все-

¹⁰⁷ Plut., Per. 9, 1.

¹⁰⁸ Plut., Per. 11, 4—5.

¹⁰⁹ Plut., Per. 11, 5.

¹¹⁰ Например, A n d r e a d e s, ук. соч., стр. 225.

го, сказывается в том, что значительные группы афинского гражданства оказываются заинтересованными в войне. В этом отношении показательное настроение афинян при обсуждении вопроса об экспедиции в Сицилию: «огромная масса, в том числе и воины, рассчитывали получать жалованье (*ἀργύριον*) во время похода и настолько расширить афинское владычество, чтобы пользоваться жалованьем (*μισθοφορεῖν*) непрерывно и впредь» (Thuc., VI, 24, 3). Здесь получение платы выступает как один из главных стимулов в решении афинского народа об огромном военном предприятии. Подобный вывод не кажется чрезмерно категоричным, если мы вспомним многочисленные свидетельства источников о разорении Аттики в результате вторжений спартанцев и упадке хозяйства за годы длительных походов¹¹¹. В таких условиях оплата военной службы становится если не единственным источником существования рядового афинянина, то весьма значительной долей его бюджета. Любопытные подтверждения этому, как нам кажется, можно найти в комедиях Аристофана, в частности в «Лисистрате», где (хотя это, конечно, и утрировка) все мужчины в общем готовы продолжать войну и только вмешательство женщин заставляет их согласиться на мир. Показательно увеличение в ходе Пелопоннесской войны оплаты морякам флота, явно имевшее целью повышение боеспособности его. Кроме того, в подобной ситуации каждый воин-афинянин был заинтересован в военной добыче. Видимо, не меньше в ней был заинтересован и воин-спартанец, хозяйство которого хотя и не было разрушено походами афинян, но он сам, надолго отрываемый от дома, в то же время не получал, по всей видимости, в отличие от афинянина оплаты. Поэтому представляется вполне справедливым высказывавшееся в литературе мнение, что в ходе войны гражданская часть армии все в большей мере в социально-экономическом отношении принимает характер наемных формирований¹¹².

В заключение, не стремясь подвести итогов всему сказанному, остановимся лишь на некоторых моментах. В наемничестве времени Пелопоннесской войны можно уже заметить появление ряда черт, которые мы постоянно будем наблюдать в дальнейшем. Постепенно начинает складываться характерная для наемника психология, резко отличающаяся от психологии воина-гражданина классической эпохи, ибо только соображения меркантильного характера связывают наемника с полисом.

Отметим также зарождение нового типа командира, который во главе наемников подчас действовал на свой страх и риск. Таково было положение Брасида во Фракии, отчасти независимого от своего полиса. Это, конечно, только эпизод, причем, видимо, единичный, но он очень симптоматичен — здесь мы видим прообраз командира IV в., все более освобождающегося в своих действиях от власти государства.

Итак, Пелопоннесская война была определенным этапом в развитии греческого наемничества, ибо в ходе ее впервые наемные силы появились в армиях полисов. Хотя наемничество и не было порождено Пелопоннесской войной, как часто считают, она снова перенесла его на почву Эллады. Эта война явилась тем рубежом, с которого можно говорить о дальнейшем широком развитии греческого наемничества. Ряд явлений, получивших свое полное развитие в будущем, проявляются уже теперь, хотя и в неразвитой, зародышевой форме, но вполне явственно, определяя некоторые черты развития наемничества в следующем веке.

Вместе с тем, следует подчеркнуть то принципиально новое, что принес в наемничество IV век. Основное отличие наемничества Пелопоннесской

¹¹¹ Об этом см., например, H.-J. Diesner, *Wirtschaft und Gesellschaft bei Thukydides*, Halle, 1956.

¹¹² Diesner, *Wirtschaft und Gesellschaft...*, стр. 166 сл.; о н же, *Das Söldnerproblem...*, стр. 216.

войны с точки зрения как его внутренней природы, так и его места в общем процессе эволюции древнегреческого общества, от наемничества IV в. заключается в том, что развитие его происходит еще не в условиях кризиса полиса. Хотя наемничество IV в. до н. э. своими истоками восходит к Пелопоннесской войне, не она послужила причиной его развития и расцвета в последующие годы. Наемничество IV в. было одним из порождений и проявлений кризиса полиса, разложения гражданской общины, коллектива граждан-воинов, что определило и иные причины развития спроса на наемные военные силы и предложения их, и иное место наемников в социально-экономической и политической истории IV в., иное их значение.

MERCENARIES DURING THE PELOPONNESIAN WAR

by L. P. Marinovich

Which states employed mercenaries in this period, and on how large a scale? What types of forces did they represent? From what parts of Greece were they drawn? These questions, important in their bearing on the further evolution of mercenary armies, form the main subject of the present article. The role played by mercenary troops in the Peloponnesian War was largely determined by the character of that war. It was the first time the Greek cities made use of mercenaries as auxiliaries to their citizen armies. This method of employing mercenaries was to continue into the fourth century, but during that century they also appear in a new role: as substitutes for the citizen army. During the Peloponnesian War only the largest cities, contesting, at the head of their allies, for the hegemony of Greece, felt the need to call in auxiliary mercenary troops; in fact no single city was by itself financially capable of maintaining such troops. Mercenaries were drawn from the same reservoir areas of Greece, and each of these regions provided its own special type of arms: there seems to have been a definite connection between the particular area and the type of forces recruited from it. The great majority of hoplite mercenaries were drawn from the Peloponnese, most of them from Arcadia; peltasts came from Thrace; archers from Crete. Here again in the following period the picture was different: in addition to the old regions, the whole of Greece, more or less, became a recruiting ground for mercenaries.

И. Д. Амосин

КУМРАНСКИЕ КОММЕНТАРИИ

В 1957 г., в год 20-летия открытий рукописей Мертвого моря, на страницах парижского журнала «Planète» развернулась необычная и по форме и по существу дискуссия между членом Международного Комитета ученых по изданию рукописей Мертвого моря Джоном Аллегро и основателем и редактором международного журнала «Revue de Qumran» Жаном Карминьяком¹. Не входя здесь в детали их взаимных упреков, а также спора по вопросу о значении кумранских рукописей для понимания процесса происхождения христианства, я хочу обратить внимание лишь на один аспект этой дискуссии. Аллегро обвиняет своих коллег по Комитету, что они намеренно затягивают публикацию рукописей (ограничиваясь чуть ли не одной публикацией в год!) и в связи с этим восклицает: «Почему эти умолчания? Почему эти задержки? Почему не известно содержание рукописей? Кто боится того, что они раскрывают?»². В другой своей статье Аллегро говорит, что для сорока рукописей существует угроза задержки их публикации на одно-два десятилетия³. К сожалению, Аллегро не сообщает никаких подробностей о характере и содержании этих «неоапокрифов». Между тем из предварительных сообщений, в свое время опубликованных членами Комитета с участием Аллегро, научной общественности известен состав рукописей и фрагментов — разобранных отождествленных и предназначенных к опубликованию⁴. Может быть, речь идет о вновь выявленных рукописях, о которых ранее ничего не сообщалось? Повторяю, к сожалению, из названных статей Аллегро мы об этом узнать не можем. Разумеется, людям, стоящим вдалеке от Комитета, нет возможности судить о действительном положении вещей с публикацией кумранских рукописей. Тем не менее, трудно себе представить,

¹ J. Allegro, *Le Nouveau Testament serait un document faussé*, «Planète», № 32, 1967, стр. 73—82; J. Carmignac, *Le Professeur Allegro ne dit pas tout ce qu'il sait*, «Planète», № 33, 1967, стр. 148—155; J. Allegro, *Monsieur l'Abbé est mal informé*, там же, стр. 156—157; см. также редакционную статью журнала: «Nouveau Testament faussé? Le silence n'est plus possible. Planète oblige les spécialistes à s'expliquer: ils s'injurient», «Planète», 33, 1967, стр. 147—148.

² Allegro, *Le Nouveau Testament*, стр. 74.

³ Allegro, *Monsieur l'Abbé est mal informé*, стр. 156: «Mais il y a quelque quatre cents autres textes importants qui se trouvent entre les mains de mes collègues et risquent de ne pas être publiés avant une décennie ou deux, au rythme actuel».

⁴ См. «Le travail d'édition des fragments manuscrits de Qumrân», RB, 63, 1956, 1, стр. 49—67 (= «Editing the Manuscript Fragments from Qumran», BA, 19, 1956, 4, стр. 75—96); см. также J. Milik, *Le Travail d'édition des manuscrits du Désert de Juda*, «Supplements to VT», IV, L., 1957, стр. 17—26; C. Hunzinger, *Aus der Arbeit an den unveröffentlichten Texten von Qumran*, ThLZ, 85, 1960, стр. 151—152.